

А.Г. Смирнова

МЕХАНИЗМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО И МЕЖГРУППОВОГО ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье анализируется значимость механизмов межличностного и межгруппового восприятия, а именно, идентификации, эмпатии, сравнения, атрибуции и рефлексии в процессе познания угрозы в международных отношениях. Теоретическую основу исследования составляет определение угрозы в качестве разновидности субъект-субъектных отношений. Восприятие угрозы рассматривается как процесс социального познания. При этом субъектом данного процесса выступают государства, осуществляющие познание посредством представляющих их на международной арене государственных деятелей, которые разделяют политическую идентичность страны. Познание завершается конструированием пары соответствующих друг другу образов государств, которых связывают отношения, построенные на основе угрозы. Теоретические выводы подтверждаются результатами эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей восприятия Россией и США угрозы, которую может представлять Северная Корея, обладающая ядерным оружием.

Ключевые слова: угроза, социальное познание, идентификация, эмпатия, сравнение, атрибуция, рефлексия, США, Россия, КНДР.

Keywords: threat, social cognition, identification, empathy, comparison, attribution, reflexion, the US, Russia, North Korea.

Угроза представляет собой важный компонент социальной реальности. Взаимоотношения между отдельными индивидами или группами, принятие решений, а также выбор стратегии поведения зачастую осуществляются под влиянием ожидаемого причинения вреда и желания избежать потерь. При этом, как отмечает К. Боулдинг, угроза — это вид отношений между субъектами, обладающий свойством организации социальной системы (Boulding

1963). Иначе говоря, возникновение угрозы невозможно без субъекта, от которого исходит намерение причинить вред, и субъекта, в отношении которого оно направлено, его ответных действий на прозвучавшую угрозу, а также реакции первого субъекта на действия второго. В качестве необходимого компонента угрозы выступает и социальный контекст отношений между субъектами. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, какие механизмы лежат в основе построения и развития этих отношений.

В данной статье угроза определяется в качестве разновидности *субъект-субъектных отношений*, а процесс ее восприятия — как *социальное познание*. При этом внимание уделяется рассмотрению значимости таких механизмов познания, как *идентификация, эмпатия, сравнение, атрибуция и рефлексия*, в процессе конструирования сужения о наличии или отсутствии угрозы. Перечисленные механизмы изучаются в ходе эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей восприятия Россией и США угрозы, которую может представлять Северная Корея, обладающая ядерным оружием.

Угроза как субъект-субъектные отношения

В научной литературе сложились *три подхода* к определению понятия «угроза», каждый из которых получил теоретическое обоснование в рамках разных наук.

Согласно первому подходу, принятому в политологии, угроза рассматривается сквозь призму *намерений и возможностей* субъекта причинить вред (Deibel 2007: 143). Фактически в рамках данного подхода угроза представлена в качестве стимула, побуждающего субъекта изменить свое поведение.

Вместе с тем намерение причинить вред связано с выдвиганием ряда условий, несоблюдение которых приведет к реализации враждебных намерений. Данная характеристика угрозы предполагает, что субъект может управлять развитием ситуации, совершая действия, связанные с наименьшими потерями. Принимая во внимание сказанное, угроза рассматривается как *реакция субъекта*, в отношении которого направлено намерение причинить вред. Таким образом, в исследованиях угрозы складывается второй подход к определению сущности данного понятия — как *совокупности когнитивных, аффективных и поведенческих реакций субъекта*, возникающих в ответ на восприятие причинения вреда. Теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение данный подход получил преимущественно в психологии (Doty et al. 1991; Gordon, Arian 2001).

Третий подход предполагает определение угрозы как коммуникации намерения причинить вред субъекту, если он не будет вести себя так, как предписывает ему угрожающий (Novi 1998: 11).

По нашему мнению, данный подход обладает важными преимуществами перед другими. Первое заключается в том, что, в отличие от политологического подхода, он не ограничивается рассмотрением угрозы в качестве объективной логической структуры, существующей независимо от субъекта, на которого направлено намерение причинить вред. В то же самое время угроза не сводится только к совокупности его познавательных, эмоциональных и поведенческих реакций. С точки зрения рассматриваемого подхода, возникновение угрозы связано не только с формулированием намерения причинить вред, но и с реакцией субъекта на требования изменить поведение. Таким образом, с точки зрения данного подхода, угроза — это особый вид *субъект-субъектных отношений*.

Второе преимущество данной трактовки связано с тем, что установление отношений приводит к возникновению социальной системы, которая может строиться на основе *подчинения* угрозе, *сопротивления* ей или *выдвижения встречных угроз*. В качестве примера *подчинения* угрозе может выступать готовность следовать закону, например, быть добросовестным налогоплательщиком, соблюдать правила дорожного движения и др. В данном случае, как подчеркивает К. Боулдинг, угроза выступает «сильным социальным организатором», но только если она «легитимна» и наказание соответствует совершенному проступку (Boulding 1963: 427–428).

Социальная система, построенная на основе *сопротивления* угрозе, обладает особенностью, которая обусловлена характеристиками самой угрозы. Намерение причинить вред всегда оставляет возможность того, что оно не будет реализовано. Данное обстоятельство связано с тем, что исполнение наказания обернется потерями не только для субъекта, в отношении которого направлена угроза, но и для субъекта, от которого она исходит. Для последнего они сопряжены как с затратой материальных ресурсов, так и с переживанием негативных эмоций, утратой дружественных отношений. Однако если угроза не будет реализована, она утратит свою достоверность и перестанет выполнять отмеченную выше функцию социальной организации. Следовательно, дальнейшее построение отношений в рамках данной системы в значительной степени зависит от того, какие последствия будут расценены субъектом угрозы как более значимые.

Отношения развиваются и посредством *выдвижения ответных угроз*. На основе подобного механизма «сдерживания» выстроены, например, меры предупреждения преступного поведения. В практике межгосударственных отношений обмен угрозами лежал, например, в основе доктрины взаимного гарантированного уничтожения времен «холодной войны». Особенность данной социальной системы заключается в ее нестабильности по причине того, что со временем достоверность угроз, не сопровождающихся наказанием, снижается. Поэтому обещания причинить вред в ответ на

несоответствующее поведение должны время от времени подтверждаться практикой.

Рассмотренные направления развития социальных систем, возникающих на основе угрозы, позволяют сделать вывод, что подобные отношения являются неотъемлемой частью взаимодействия индивидов и групп в экономической, правовой, семейной и других сферах. Иначе говоря, угроза представляет собой важный инструмент организации жизни общества. Данное обстоятельство позволяет преодолеть традиционную «специализацию» наук и дает основания рассматривать угрозу как объект исследования не только политологии и теории международных отношений, но и *социологии*.

В частности, социология создает основания для изучения познания угрозы с учетом ее социальной природы. Конструирование субъектом суждения о наличии или отсутствии угрозы связано с оценкой возможных действий другого субъекта, т. е. «встроено» в процесс межличностного и межгруппового восприятия. Подобные характеристики познания угрозы позволяют рассматривать данный процесс как *социальное познание*. При этом социология уделяет внимание социальной детерминации форм знания, условиям его хранения и использования различными социальными группами, а также — социальным институтам и социальной структуре производства знаний (Андреева 2000б: 18).

Восприятие угрозы как процесс социального познания

Исследователи обычно выделяют три аспекта влияния социума на познавательные процессы. Во-первых, как подчеркивает Г.М. Андреева, «признается факт социального происхождения познания. Оно возникает и поддерживается социальным взаимодействием, решающая роль в котором принадлежит процессу *коммуникации*. Во-вторых, познание является социальным, поскольку оно имеет дело с *социальными объектами*. В-третьих, социальное познание социально *разделено*, то есть его результаты являются общими для членов определенного общества, разделяются ими» (Андреева 2000б: 51).

Значимость взаимодействия и общения в процессе познания угрозы трудно переоценить, учитывая, что угроза сама по себе представляет *коммуникативный акт*. Один субъект передает сообщение о необходимости изменить поведение в соответствии с определенными требованиями. При этом оно содержит указание на возможность наказания, если поведение не будет изменено. Другой субъект, получающий сообщение, должен его декодировать, т. е. «считать» содержащуюся в нем угрозу. Фактически, в ходе отмеченного этапа коммуникации и возникает процесс познания. Задача

реципиента сообщения состоит в том, чтобы оценить предъявленное ему требование изменить поведение с точки зрения возможных последствий, в частности, определить потери, которые возникнут в случае реализации наказания. Кроме того, он должен попытаться установить, готов ли субъект, от которого исходит угроза, довести до конца свои намерения причинить вред.

Социальная «разделенность» познания проявляется в том, что социальные группы по-разному воспринимают угрозу. Один из механизмов возникновения различий связан с трансформацией социальной структуры под воздействием существующих источников опасности. Например, в период «холодной войны» ни у кого не вызывало сомнений, что нападение на Москву или Вашингтон приведет к ответному военному удару (Schelling 1966: 35). Подобная убежденность объяснялась тем, что угроза выступала важным компонентом, организующим отношения между СССР и США в биполярном мире. Возникновение данной социальной структуры стало возможным по причине существования двух великих держав, характеризующихся сопоставимой военной и экономической мощью, культурным потенциалом держав, которые смогли приобрести союзников в разных регионах мира. Вместе с тем данная реальность складывалась и развивалась на фоне достаточно стабильной системы значений, придававших смысл глобальному противостоянию периода «холодной войны» и определявших идентичности двух государств. Иначе говоря, существующая социальная структура «предопределяет» основные направления познания реальности, делая более вероятными одни интерпретации, нежели другие. В то же самое время выработанные когнитивные паттерны поддерживают социальную структуру. Фактически, речь может идти о взаимопорождении социальной структуры и агентов (Klotz, Lynch 2007: 27), в частности, тех знаний, которые они используют в ходе оценки угроз.

Проблема социальной разделенности познания приобретает особое звучание, если угроза является частью отношений между государствами.

Одна из особенностей познавательных процессов в международных отношениях состоит в том, что они разворачиваются одновременно на двух уровнях. С одной стороны, учитывая, что в качестве основных участников международных отношений выступают государства — коллективные субъекты, можно сделать вывод, что познание осуществляется на межгрупповом уровне. С другой стороны, сам термин «познание» заставляет обращаться к индивидуальному уровню анализа, поскольку оно связано с формированием и изменением убеждений, образа мыслей, а отмеченные феномены вряд ли могут наблюдаться на уровне государств.

Подобное «переплетение» уровней познания можно выявить посредством рассмотрения механизмов взаимодействия государства и отдельных

личностей. По нашему мнению, ключевым из них является «индивидуальное переживание государства», которое представляет собой «непосредственное наблюдение или актуальное знание индивида о государстве» (Faizullaev 2007: 532).

Основная характеристика данного процесса заключается в том, что индивиды воспринимают государство не как абстрактное понятие, а как *реальный, наблюдаемый объект*. Иначе говоря, для каждого отдельного человека, в том числе и правящей элиты, государство — это выступление президента, заседание парламента, митинг на площади, участие в выборах, проведение переговоров и т. д. В конечном итоге, «переживание государства» представлено *личным опытом* взаимодействия индивидов и институтов власти, сопряженным с их оценкой. Результатом данного процесса становится конструирование *образа государства*. Одна из его характеристик заключается в том, что, отражая уникальный опыт взаимодействия индивида и государства, его содержание *социально детерминировано* — опосредовано ценностями и значениями, разделяемыми в обществе. Именно благодаря этому становится возможна выработка разделяемой индивидами государственной идентичности, которая определяет национальные интересы и обеспечивает существование государства в качестве субъекта международных отношений.

Рассмотренная форма обретения государством реальности позволяет сделать вывод, что «в качестве субъекта познания в международных отношениях выступают государства как коллективные субъекты, осуществляющие познание посредством представляющих их на международной арене индивидов (как правило, государственных деятелей), разделяющих политическую идентичность страны. В результате процесса познания формируется образ собственного и другого государства» (Смирнова 2008: 555).

Отмеченные характеристики субъекта позволяют определить особенности *процесса* познания угрозы в международных отношениях, а также его *результат*. При описании последнего необходимо дифференцировать две его стороны.

Первая предполагает оценку уровня угрозы с использованием количественных или качественных шкал (См.: Бояринцев, Редькин 2007: 16; Vellani 2006: 34–37). Основная задача подобных методов оценки заключается в том, чтобы ранжировать угрозы по ряду важных оснований и определить уровень их значимости, актуальности для субъекта в данный момент времени, а также на ближайшую и более отдаленную перспективу.

Вторая сторона результата познания угрозы связана с рассмотрением данного процесса как носящего социальный характер. Социально-перцептивный процесс заканчивается конструированием *образа государства*. Иначе говоря, субъект не просто измеряет угрозы, он формирует представление о государстве как имеющем намерения и возможности причинить вред.

В контексте темы статьи наибольший интерес представляет именно данная сторона результата познания угрозы. Не менее значима и проблема соотносительности данных уровней оценки угрозы. Политические лидеры и эксперты зачастую обосновывают свои решения и действия, ссылаясь на сценарии и количественно измеренные угрозы. В то же время не вызывает сомнения, что последние служат выражением сформировавшихся образов государств, которые конструируются посредством других механизмов, нежели количественная оценка угрозы.

Рассмотрим механизмы познания с учетом понимания угрозы как отношений между субъектами. Среди них: идентификация, эмпатия, рефлексия, сравнение и атрибуция.

Идентификация предполагает познание другого субъекта «через уподобление ему себя» (Андреева 2000а: 150). Например, результаты экспериментов Д. Руссо демонстрируют, что формирование разделяемой идентичности связано со снижением уровня угрозы (Rousseau 2006).

Способность уподобить себя другому человеку связана с *эмпатией*, т. е. умением сопереживать другому субъекту, взглянуть на вещи с его точки зрения. Рассматривая ситуацию угрозы, трудно представить, что лидер государства станет сопереживать своему оппоненту и пытаться отыскивать причины, оправдывающие его враждебность. Однако подобные попытки встать на сторону государства, представляющего угрозу, присутствуют в работах ученых. Например, К. Уолтц, анализируя намерения Ирана создать ядерное оружие, отмечает: «Учитывая военное доминирование США в мире, другие государства могут обеспечить свою безопасность только при помощи ядерного оружия, поэтому было бы странно, если бы Иран не стремился его приобрести» (Sagan et al. 2007: 138).

Склонность получать знания о себе посредством *сравнения* своих возможностей, достижений, идей, ценностных приоритетов с аналогичными чертами других индивидов или групп составляет универсальную характеристику человека. В зависимости от степени воспринятых различий сравнение приводит к *противопоставлению* субъектов или их *сопоставлению*. Насколько существенными должны быть различия, чтобы стать основанием для восприятия угрозы? Вероятно, величина различий не влияет напрямую на конструирование суждения о возможной опасности. Если два субъекта обладают характеристиками, которые с трудом сопоставимы, между ними вряд ли могут возникнуть отношения угрозы, поскольку в основе их деятельности лежат разные интересы, исключающие как возможность сотрудничества, так и конкуренции. Восприятие угрозы связано с выявлением различий в сферах, *значимых* для субъектов.

Атрибутивные процессы, предполагающие интерпретацию причин поведения (Андреева 2000а: 151), приобретают особенности в ситуации позна-

ния угрозы. В соответствии с феноменом социальной каузальной атрибуции поведение субъектов и результаты деятельности рассматриваются с позиций их группового членства, т. е. социальной идентичности. При этом негативное поведение членов аут-группы объясняется свойственными им характеристиками. Таким образом, восприятие различий идентичности приведет к «приписыванию» субъекту враждебных намерений. В свою очередь, собственное агрессивное поведение будет объяснено воздействием внешних обстоятельств, в том числе враждебностью представителей аут-группы. В частности, М. Вол и Н. Бранском доказали, что воспринятая угроза группе может повышать склонность ее представителей считать простительным причинение ущерба другой группе (Wohl, Branscomb 2009: 29). Таким образом, угроза получает «подкрепление» от обоих взаимодействующих субъектов.

Неотъемлемым элементом межличностного восприятия является *рефлексия* — осознание каждым из участников взаимодействия того, «как он воспринимается другим партнером по общению» (Андреева 2000а: 150). Особенности данного процесса изучались и в контексте познания угрозы, а точнее — допущенных ошибок. Например, Дж. Г. Стейн отмечает, что лидерам государств зачастую трудно представить, как их воспринимают другие (Stein 1989: 32). Поэтому политик, от которого исходит намерение причинить вред, не достаточно полно осознает то, как адресат воспринимает его сообщение, содержащее угрозу. В результате оно может оказаться неэффективным. В свою очередь, субъект, на которого направлена угроза, интерпретирует ее с точки зрения собственной системы значений, не всегда правильно понимая смысл сообщения. Таким образом, рефлексия — важный инструмент познания угрозы, обеспечивающий корректность как ее передачи, так и распознавания.

Рассмотренные особенности механизмов межличностного и межгруппового восприятия в ситуации угрозы позволяют сформулировать следующие *гипотезы исследования*.

Гипотеза 1. Конструирование суждений о наличии угрозы и ее отсутствии осуществляется посредством разных инструментов познания. В частности, идентификация и эмпатия играют незначительную роль при восприятии угрозы, в отличие от сравнения, атрибуции и рефлексии.

Гипотеза 2. Конструирование суждения о существовании угрозы осуществляется с учетом восприятия различий двух государств по ключевым ценностям, особенностям политического режима, принципам построения экономических отношений и т. д. Кроме того, угроза связана с восприятием лидерства (или стремлением упрочить позиции) данного государства в области, которая значима для субъекта познания, и он сам претендует в ней на лидирующие позиции.

Гипотеза 3. Объяснение враждебных намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик, нежели особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания.

Гипотеза 4. Восприятие угрозы связано с преувеличением различий между субъектом, от которого исходит намерение причинить вред, и субъектом, в отношении которого оно направлено.

Процедура исследования

Гипотезы проверены в ходе исследования, направленного на выявление особенностей восприятия Россией и США угрозы, которую может представлять Северная Корея, обладающая ядерным оружием, в 2000–2006 гг.

Выбор данного периода обусловлен прогрессом, достигнутым КНДР в развитии ядерной программы. В январе 2003 г. Северная Корея вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). 31 марта 2006 г. северокорейский МИД объявил КНДР государством, обладающим ядерным оружием. 4 июля того же года было проведено испытание баллистических ракет, а 9 октября — первое подземное ядерное испытание. Таким образом, в рассматриваемый период сложились объективные характеристики угрозы.

Вместе с тем, по мнению экспертов, Россия и США по-разному воспринимали угрозу, которую может представлять Северная Корея. Например, У. Поттер и С. Пэрриш на основе изучения официальных заявлений, бесед с официальными лицами, журналистами, аналитиками и последующей оценки угрозы с использованием шкалы «низкая — умеренная — высокая угроза» (Поттер, Пэрриш 2007: 111) сделали вывод, что Россия воспринимала угрозу, исходящую от Северной Кореи, как умеренную, а США — как высокую (Там же: 94). Различия в уровне оценки угрозы президентами России и США предоставляют возможность проверить сформулированные гипотезы на основе *сравнения* механизмов познания действий Северной Кореи, которые использовал президент РФ В.В. Путин (умеренная воспринятая угроза) и президент США Дж.У. Буш (высокая воспринятая угроза).

Проверка гипотез осуществлялась на основе результатов, полученных в ходе анализа текстов речей президентов двух стран, посвященных северокорейской ядерной программе.

Тексты выступлений «первых лиц» государств достаточно часто используются для объяснения принятых решений и стратегии поведения государств (Киселев, Смирнова 2006; Киселев и др. 2009; Role Quest... 1997), несмотря на примеры несовпадения дискурса и практик. Проблема обоснованности использования текстов для изучения познания угрозы встает особенно ост-

ро, если учесть две стороны результата данного процесса. Публичный политический дискурс не всегда позволяет обнаружить прямые суждения относительно наличия угрозы, а также уровня ее актуальности. Скорее тексты отражают то *значение*, которое придают политические лидеры событиям, сопряженным с возможной угрозой, с точки зрения существующих правил, норм, идентичностей. Фактически политики пытаются посредством текстов ответить на вопросы: что означает выход КНДР из ДНЯО с точки зрения значимости для России существующего режима нераспространения, с точки зрения сотрудничества России и Северной Кореи по ряду ключевых направлений, присутствия в перечне ролей нашей страны важных направлений деятельности в области разоружения и нераспространения, географического положения государств, ситуации на Корейском полуострове, особенностей внутривнутриполитической ситуации в КНДР и др. Приведенный перечень вопросов далеко не исчерпывающий, однако и он позволяет сделать вывод, что тексты речей отражают политическую картину мира, включающую образы государства, от имени которого выступает автор текста, образ страны — источника угрозы, а также — видение межгосударственных отношений. В этой связи тексты речей релевантны изучению той стороны результата познания угрозы, которая связана с раскрытием его социально-перцептивного аспекта и выступает предметом нашего исследования.

В качестве источника текстов для анализа выступили официальные сайты Президента России (<http://kremlin.ru/>)* и Президента США (<http://www.whitehouse.gov>). При формировании выборки использовалась процедура отбора текстов, состоящая из следующих этапов. На *первом этапе* был сформирован перечень текстов, соответствующих исследуемой проблеме. Для этого в поисковые разделы указанных сайтов вводился запрос «ядерная программа Северной Кореи». Из всего массива были выбраны тексты, которые соответствовали заданному временному интервалу. В качестве единицы анализа выступало утверждение. На *втором этапе* из текстов отобраны утверждения президентов России и США, описывающие образ Северной Кореи, по содержанию в них слов: «Северная Корея», «КНДР», «она» и т. д. В результате в промежуточную выборку вошли 33 текста президента России В.В. Путина, содержащие 163 утверждения о характеристиках КНДР, а также 45 текстов президента США Дж. Буша и 368 утверждений о Северной Корее. На *третьем этапе* из имеющихся утверждений были отобраны те, которые отражают использование механизмов межличностного и межгруппового восприятия в процессе познания угрозы, исходящей от КНДР. При этом принималась во внимание следующая операционализация конструкторов.

---

* В настоящее время тексты, составившие выборку для исследования, доступны по ссылке: <http://archive.kremlin.ru>.

На использование *сравнений* указывают сопоставления «больше — меньше», «опережает — отстает», «раньше — сейчас» (темпоральные сравнения), «такой же как...», «отличается от...». Констатация сходства двух государств может служить показателем использования *идентификации* как механизма познания. Об *эмпатии* свидетельствуют глагольные конструкции «мы понимаем позицию...», «разделяем озабоченность...», а также ссылки на необходимость учитывать интересы другого государства. На использование *рефлексии* указывают попытки политиков осмыслить то, как КНДР воспринимает Россию и США. *Атрибуции* выявляются посредством рассмотрения содержащихся в текстах объяснений причин возникновения угрозы со стороны КНДР. В окончательный вариант выборки вошли 10 % утверждений президента России и 12 % утверждений президента США.

Механизмы познания угрозы в международных отношениях

Распределение утверждений по годам оказалось неравномерным как в российской, так и американской выборках. В частности, 81 % утверждений В.В. Путина, указывающих на использование механизмов межличностного и межгруппового восприятия, приходится на 2003 и 2006 гг. На эти же годы попадает 56 % подобных утверждений Дж. Буша. Как было показано ранее, именно в эти периоды Северная Корея прошла знаковые этапы на пути обретения статуса ядерной державы, что не могло не найти отражения в образах данного государства, созданных российским и американским лидерами.

Полученные результаты подтверждают *первую гипотезу* о том, что конструирование суждений о наличии угрозы осуществляется посредством разных инструментов познания. Сравнение частоты встречаемости утверждений, содержащих указания на применение эмпатии, сравнения, атрибуции, рефлексии и идентификации, позволяет сделать вывод, что в процессе познания угрозы, исходящей от Северной Кореи, президенты России и США задействуют все перечисленные инструменты, за исключением *идентификации*. Иначе говоря, несмотря на различия в уровне воспринятой угрозы, политическое руководство двух стран позиционирует свои государства как не похожие на Северную Корею по ряду важных параметров.

Наиболее часто они прибегают к выражению *эмпатии* или акцентируют свое неприятие ситуации в Северной Корее: 62 % утверждений президента России и 53 % — президента США. Так, В.В. Путин неоднократно отмечал необходимость *учета интересов* КНДР в области безопасности и развития мирного атома: «Мы полагаем между тем, что проблема должна решаться в результате переговоров, с учетом законных интересов и озабоченностей

Северной Кореи. Ни в коем случае нельзя загонять Северную Корею в какой-то угол, обострять эту проблему» (Путин 2003а). Возможность «принять» деятельность северокаорейской стороны в сфере развития ракетных технологий обосновывается российским президентом со ссылкой на формально-юридическую сторону данной ситуации. По его словам, Северная Корея имеет право на развитие данных технологий, поскольку она не присоединилась к существующим международным договоренностям. КНДР «не является участником соответствующих международных соглашений, которые ограничивают деятельность в этой сфере. <...> И когда северокаорейские партнеры говорят об этом, они — нравится это кому-то или не нравится, — они правы», — отмечал президент (Путин 2006). Таким образом, умеренный уровень воспринятой угрозы в текстах речей российского президента сочетается с попытками взглянуть на происходящее с точки зрения северокаорейской стороны, принять ее позицию, даже если она и не находит поддержки у политического руководства России.

Вместе с тем имеют место высказывания, свидетельствующие об отсутствии эмпатии к Северной Кореи. Такие высказывания относятся к проведению КНДР испытаний баллистических ракет в июле 2006 г. В частности, В.В. Путин отметил: «Испытания подобного рода нельзя считать нормальными, потому что все цивилизованные страны, когда проводят такие испытания, сообщают заблаговременно о месте проведения этих испытаний, о предполагаемом месте падения отдельных частей ракет и предупреждают о том, чтобы суда не заходили в соответствующие акватории мирового океана» (Путин 2006). Однако данное утверждение указывает скорее не на содержание действий, а на форму их реализации.

В свою очередь, Дж.У. Буш подчеркивает именно неприятие того, что делает Северная Корея. Утверждения президента США, демонстрирующие значение эмпатии в процессе познания угрозы со стороны Северной Кореи, можно разделить на две группы. К первой относятся высказывания, содержащие выражение эмпатии по отношению к *северокаорейскому народу* (16 %). Во вторую группу входят утверждения, указывающие на *неприемлемость политического курса* правящего режима, прежде всего, в ядерной сфере (84 %). В этой связи президент США не раз заявлял: «Мы не будем проявлять терпимость к тому факту, что Северная Корея обладает, создает или передает другим ядерное оружие» (Bush 2003а). Тексты, относящиеся к июлю 2006 г., позволяют обнаружить особую категорию утверждений, которые президент применяет для описания отношения США к испытаниям баллистических ракет. Дж. Буш не выражает неприятия подобных действий, а скорее указывает на *непонимание* намерений северокаорейского лидера: «Я не знаю, каковы намерения этого человека. Если он хочет иметь хорошие отношения с мировым сообществом, он должен прекратить развитие ядерных

программ, в соответствии с соглашением 1994 г., остановить испытания ракет», — подчеркнул Дж. Буш (Bush 2006b). Таким образом, высокий уровень воспринятой угрозы не только не способствует эмпатии, но приводит к реализации политическим руководством США в отношении Северной Кореи проективной (формирующей поведение) стратегии.

Сравнение характеристик государств представляет собой важный инструмент познания угрозы. Результаты исследования демонстрируют, что В.В. Путин и Дж.У. Буш ссылаются на существующие различия для обоснования наличия или отсутствия угрозы безопасности их государствам со стороны КНДР: 30 % и 19 % утверждений соответственно. В частности, Дж.У. Буш придает значение различиям *ценностей* двух стран (прежде всего, свободы) и характеристик *политических режимов*. Северная Корея рассматривается как несвободная страна, руководители которой установили репрессивный режим, нарушают права человека, тратят значительные средства на содержание армии, в то время как экономика находится в плачевном состоянии. Прямые сравнения с США указывают на отсутствие в Северной Корее свободы прессы, а также — на закрытость северокорейского общества. Кроме того, в основе суждения американского президента об угрозе лежит воспринятое *несоответствие* между статусом, которым США наделяют КНДР (*предписываемый статус*), и статусом, на который данное государство претендует в системе международных отношений (*достигнутый статус*). В частности, восприятие угрозы со стороны Северной Кореи сопряжено с утверждением о том, что она не должна обладать ядерным оружием (*предписываемый статус*). Озабоченность США основывается на убежденности в том, что КНДР продолжает обогащение урана, развивает ракетную программу и стремится увеличить количество ядерного оружия (*достигнутый статус*). Фактически, Северная Корея рассматривается как государство, упрочившее свои позиции в той сфере, в которую оно, с точки зрения США, не должно было иметь доступа.

Суждения президента РФ об угрозе со стороны КНДР конструируются на основе *сравнения наступательного и оборонного потенциала двух стран*, указания на их *несопоставимость* (Путин 2006). Кроме того, отмечается, что система предупреждения о ракетном нападении, а также средства защиты от подобного нападения находятся в России «в должном состоянии» (Путин 2006). Таким образом, более низкий, по сравнению с США, уровень воспринятой угрозы связан с позиционированием Северной Кореи как *отстающей* от России. Тем самым результаты, полученные на российской и американской выборках, позволили подтвердить *вторую гипотезу* исследования.

Характер воспринятых различий позволяет выявить особенности *атрибутивных конструкций*, на которые опираются российский и американский

президенты. На использование атрибуции как инструмента познания указывают 19 % утверждений президента РФ и 9 % — президента США.

В текстах речей В.В. Путина можно выделить две атрибутивные конструкции, относящиеся к 2003 и 2006 гг. В частности, в июне 2003 г. президент отметил: «... Северная Корея находится в таком состоянии <...>, что у меня нет никаких оснований полагать, что она вынашивает какие-то агрессивные намерения» (Путин 2003а). Таким образом, отсутствие угрозы объяснено внутренними *характеристиками, присущими КНДР*. В атрибутивной конструкции 2006 г. В.В. Путин также делает вывод об отсутствии угрозы со стороны Северной Кореи. Однако основанием для подобного суждения становятся *возможности России* противостоять агрессии. Так, президент подчеркивает: «У нас нет оснований полагать, что северокорейская ракетная программа нацелена против Российской Федерации. И возможности, оборонные возможности, военные возможности России и Корейской Народно-Демократической Республики несопоставимы. Что касается наших средств защиты от возможного ракетного нападения, то они находятся у нас в должном состоянии, так же как и система СПРН, то есть система предупреждения о ракетном нападении» (Путин 2006). Фактически, объяснение причин отсутствия угрозы со стороны КНДР выглядит следующим образом: Северная Корея не представляет опасности, поскольку Россия сильна.

В свою очередь, Дж.У. Буш также опирается на две атрибутивные конструкции, которые представлены в текстах 2005 и 2006 гг. Первая выводит враждебные намерения и возможности Северной Кореи причинить вред из характеристик политического режима данного государства. В частности, на пресс-конференции 28 апреля 2005 г. он отметил: «Мы не знаем, располагает ли Ким Чен-Ир средствами доставки ядерного оружия, но я думаю, когда имеешь дело с таким тираном, лучше будет допустить, что такая возможность есть» (Bush 2005). Вторая объясняет наличие угрозы реальными возможностями КНДР причинить вред США: «Если Северная Корея оказалась способной провести испытания, то это является постоянным напоминанием людям, находящимся поблизости, что Северная Корея представляет угрозу» (Bush 2006а). Отмеченные выше атрибутивные конструкции объединяет общая черта: объяснение намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик. Таким образом, полученные результаты подтверждают *третью гипотезу* исследования. Восприятие угрозы президентом США объясняется скорее характеристиками северокорейского политического режима, нежели американским внешнеполитическим курсом по отношению к КНДР. Низкий уровень воспринятой угрозы связывается президентом РФ с возможностями России противостоять внешней опасности.

Проверка *четвертой гипотезы* связана с определенными трудностями. В текстах президента США соответствующие утверждения составляют 8 % и приходятся на 2004 и 2005 гг., в то время как в изучаемой выборке утверждений российского президента не было выявлено случаев применения *рефлексии* как инструмента познания угрозы. Данное обстоятельство не позволяет однозначно определить, насколько уровень воспринятой угрозы зависит от содержания рефлексивных суждений.

В целом проведенное исследование дает основание утверждать, что в качестве переменных, влияющих на восприятие угрозы, выступают представления субъекта познания как о собственном государстве, так и о государстве, от которого исходит угроза. Данное предположение позволяет рассматривать *угрозу* в качестве особого типа *отношений между государствами*, а ее восприятие — как *процесс социального познания*.

Литература

Андреева Г.М. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2000а. С. 146–152.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000б.

Бояринцев А., Редькин В. Определение и ранжирование угроз объектами // Безопасность. Достоверность. Информация. 2007. № 2 (71). Март-апрель. С. 14–19.

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: СПбГУ, 2006.

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г., Руденко Л.Д., Афонин М.В. Россия в «Группе восьми»: имидж versus образ. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009.

Поттер У., Пэрриш С. Политика нераспространения: в поисках адекватности // Индекс безопасности. 2007. № 2 (28). С. 93–112.

Смирнова А.Г. Познание в международных отношениях: основные характеристики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 12: Психология, социология, педагогика. Выпуск 4. С. 552–562.

Boulding K.E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53. No 2. Pp. 424–434.

Deibel T.L. Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Doty R., Peterson B.E., Winter D.G. Threat and Authoritarianism in the United States, 1978-1987 // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. No. 61. P. 629–640.

Faizullaev A. Individual experiencing of states // Review of International Studies. 2007. No 33. Pp. 497–522.

Gordon C., Arian A. Threat and Decision-Making // The Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45. No 2. Pp. 196–215.

Hovi J. Games, Threats and Treaties: Understanding Commitments in International Relations. London, Washington: Pinter, 1998.

Klotz A., Lynch C. Strategies for Research in Constructivist International Relations. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007.

Role Quest in the Post-Cold War Era: Foreign Policies in Transition / Ed. by Ph. G. Le Prestre. Montreal, Kingston, London, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1997.

Rousseau D.L. Identifying Threats and Threatening Identities: The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford, Stanford University Press, 2006.

Sagan S., Waltz K., Betts R. K. A Nuclear Iran: Promoting Stability or Courting Disaster // *Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 60. No 2. Pp. 135–150.

Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven, London: Yale University Press, 1966.

Stein J.G. The Misperception of Threat // *International Conflict and Conflict Management. Readings in World Politics* / Ed. By Matthews R.O. et al. Scarborough, 1989. Pp. 30–44.

Vellani K.H. Strategic Security Management. Burlington: Butterworth-Heinemann, 2006.

Wohl M.J.A., Branscomb N.R. Group Threat, Collective Angst, and Ingroup Forgiveness for War in Iraq // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30. No 2. Pp. 193–217.

Источники*

Путин В.В. (2003а) Интервью британской телерадиокорпорации «Би-би-си», 22 июня 2003 г. [<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47510.shtml>]

Путин В.В. (2003b) Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 г. [<http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47449.shtml>]

Путин В.В. (2006) Стенограмма интернет-конференции Президента России, 6 июля 2006 г. [<http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/07/108326.shtml>]

Bush G.W. (2003a) Joint Press Availability with President Bush and Prime Minister Koizumi of Japan. May 23, 2003. [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/05/20030523-4.html>]

Bush G.W. (2003b) President Focuses on U.S. Economy, Iraq & N. Korea. January 2, 2003. [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/01/20030102.html>]

Bush G.W. (2005) Press Conference of the President. April 28, 2005. [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/04/20050428-9.html>]

Bush G.W. (2006a) President Bush Meets with Economic Advisors. August 18, 2006. [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/08/20060818-1.html>]

Bush G.W. (2006b) Press Conference by the President. July 7, 2006 [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/07/20060707-1.html>]

Bush G.W. (2006c) Roundtable Interview of the President by Foreign Print Media. July 11, 2006. [<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/07/20060711-3.html>]

---

* Указаны лишь те тексты, на которые имеются ссылки в статье.